

В заключение скажем несколько слов о хрестоматийной части учебников. Если в отношении теоретической части можно допустить единый стандартный учебник греческого языка, этого нельзя сказать применительно к его хрестоматийной части. Тут нужна дифференциация: для филологов нужны не такие тексты и не такие отрывки из авторов, какие требуются для историков или для философов.

Само собой разумеется, что замечания, высказанные об учебниках латинского языка, применимы и здесь. Нельзя долго держать учащихся на отрывочных фразах, пусть даже исключительно подлинных и авторских. К несомненным недостаткам учебника Соболевского относится слишком малое количество связанных текстов (кроме того, в нем мало эсоповых басен и слишком много анекдотов).

Доц. В. С. Соколов

DAICOVICIU, La Transylvanie dans l'antiquité, Bucarest, 1945, 267 стр.

Дайковичиу — известный румынский археолог, занимающийся исследованием Трансильвании, проводил раскопки на месте древней Сармизегеты, столицы румынской Дакии.

В книге «*La Transylvanie dans l'antiquité*» Дайковичиу ставит своей целью дать историю народов, населявших Трансильванию с эпохи палеолита до начала средневековья. Он разделяет свой труд на три основные части: «Трансильвания до римского завоевания» (стр. 7—73), «Римская Дакия» (стр. 74—188) и «Дакия после ее оставления римлянами» (стр. 188—267).

В первой части Дайковичиу, основываясь на данных археологических раскопок в Трансильвании, дает характеристику эпохи палеолита, неолита и энеолита, бронзы и протоисторической, или железного века. Автор считает, что человек мог появиться и в Трансильвании не ранее мустьерского периода. Описывая эпоху неолита и энеолита, он отмечает увеличение численности населения, возросший уровень техники производства бытовых и культовых изделий и, особенно, необычайно богатство и разнообразие типов керамики. Автор говорит о существовании в Трансильвании в течение этой эпохи восьми различных групп или «цивилизаций» (стр. 20—21), свидетельствующих о многообразии культурных связей и влияний. Первые пять из них соответствуют неолитическому периоду и характеризуются наличием ленточной расписной керамики, а последние три, относящиеся к другому, более позднему хронологическому этапу, связываются, главным образом, с керамикой, украшенной штриховым орнаментом.

Эпоха бронзы, по мнению автора, начинается в Трансильвании в XVIII—XVII вв. до н. э. и продолжается до начала I тысячелетия до н. э. Дайковичиу указывает на существование нескольких трансильванских центров культуры бронзы и считает этот период наиболее цветущим с точки зрения развития местной культуры. «Трансильвания Рюд наиболее цветущим с точки зрения развития местной культуры. Трансильвания Рюд и Румыния в эту эпоху, — пишет автор, — выступают в качестве посредника между Эгейским морем и Центральной Европой» (стр. 27). Население в эту эпоху строит земляные, а возможно, и каменные укрепления острова. В эпоху бронзы, как полагает автор, в Трансильвании появились фракийцы. При этом он подчеркивает, что жившее там ранее население не было уничтожено или изгнано пришельцами. Автор стремится доказать, что произошло постепенное слияние фракийцев с туземным населением, на основе чего позднее образовался народ — гето-даки (стр. 29).

Более подробно Дайковичиу описывает эпоху железа. Он подразделяет ее на четыре периода: а) период доскифский (XI—VII вв. до н. э.), б) период скифский (VII—IV вв. до н. э.), в) период кельтский (III—II вв. до н. э.), г) период дакийский (II в. до н. э. — I в. н. э.).

Для доскифского периода Трансильвании автор считает характерным влияние культур западной галлытаттской и североиталийской — «вилланова», а с IX или VIII в. до н. э. — культуры киммерийцев, оттесненных сюда скифами. С киммерийским завоеванием автор связывает запоздалое появление в Трансильвании железа. По его мнению, секрет изготовления железа был принесен в эти области скифами, пришедшими, вероятно, через Бессарабию, Нижнюю Молдавию и восточные устья Карпат (стр. 36). Отдаленность от причерноморских районов, сравнительная изолированность и малочисленность скифских поселений в Трансильвании привели к тому, что агафирсы и другие группы скифов утратили специфические особенности своей культуры, ассимилировались в массе автохтонного дакийского населения (стр. 38—39).

Период от середины III в. до н. э., когда во главе государства стали цари туземной династии, и до начала II в. до н. э. Дайковичу считает эпохой наибольшего расцвета дакийского государства. Он подробно описывает крепости Мунчель и Костешти, расположенные в горах Трансильвании, и считает, что они, так же как и другие крепости Трансильвании, принадлежали «королю и знати» (стр. 69), были построены в конце II в. до н. э. и являлись центрами, вокруг которых группировались поселения дакийского народа.

Наибольшая по размерам часть рецензируемой книги посвящена эпохе римского завоевания и господства римлян в Дакии. Автор, используя материал письменных и археологических источников, старается дать полную картину жизни этой римской провинции.

Последняя часть рецензируемой работы посвящена проблеме сохранения романизованного населения в Дакии после ее оставления римлянами. Дайковичу стремится доказать сохранение в Трансильвании римской культуры и языка в течение всех последующих веков, несмотря на массу прошедших через нее народов, и утверждает, что современный румынский народ произошел от романизованного дакийского народа.

Автор говорит о влиянии славян, проникающих в Трансильванию, начиная с VI в. и о романо-славянском симбиозе, в результате которого изменяется романский язык дако-римлян, и появляется язык румынский (стр. 211—212). Период VII—X вв. Дайковичу называет «славянским» (стр. 251 сл.), но тут же сообщает, что надо рассматривать появление «славянской» керамики в Трансильвании, как «возрождение древних местных традиций, которые никогда полностью не исчезали и которые были возобновлены дако-римским автохтонным оседлым населением после ослабления и исчезновения германского влияния» (стр. 253). Никаких других выводов из этой общности типов славянской и местной латенской керамики автор не делает.

Основной мыслью, которую автор проводит через всю работу, является тезис о наличии автохтонного населения, пережившего и растворившего в своей массе множество чужеземных народов, приходивших в Трансильванию. Он старается подчеркнуть выдающиеся качества даков, высоту их культуры, опасность, которую представляло для Рима их соседство. Для того чтоб объяснить принадлежность современного румынского языка к группе романских языков, автор стремится показать полное восприятие даками римской культуры (стр. 140). Книга Дайковичу посвящена, таким образом, спорной и очень популярной в современной румынской литературе проблеме происхождения румынского народа. В решении этой проблемы автор как бы старается не присоединиться ни к одной из двух господствующих в Румынии теорий (фракийской и латинской), хотя это ему и не всегда удается, и иногда предками румын он считает древних фракийцев. Так, например, на стр. 73 он приводит слова Геродота о фракийцах (IV, 93) и прибавляет, что «античные писатели восхищались нашими предками».

С основной мыслью автора о сохранении автохтонного населения нельзя не согласиться. Этот тезис убедительно доказывается им с помощью археологического материала. Однако автор рассматривает автохтонное население Трансильвании, начиная с эпохи неолита, как нечто стабильное, не подвергающееся процессам внутреннего прогрессивного развития. Он не говорит об освоении новых способов производства и о находящихся в прямой зависимости от этого изменениях социальной жизни общества. Все нововведения и более высокие элементы материальной культуры автор считает

принесенными извне каким-либо народом-завоевателем. Подчеркивая многообразие различных культур, или «цивилизаций», как их называет автор, характерных для Трансильвании эпохи неолита, Дайковичу не интересуется ни хронологией этих культур, ни проблемой их взаимной связи. Он ограничивается перечислением их, не пытаясь дать своего мнения ни об их появлении, ни об их носителях, и считает, что перечисленные им новые элементы в культуре неолита позволяют предположить миграцию (стр. 23). При этом автор говорит о влияниях, принесенных народами восточного происхождения из Месопотамии и Анатолии, о «цивилизации шнуровой керамики», которую он связывает с приходом «первой индо-европейской расы, обосновавшейся среди примитивного населения, не разрушая его, но изменяя форму его жизни» (стр. 24). В данном случае автор присоединяется к лженаучной расовой теории. Что касается шнуровой керамики, то этот тип керамики очень распространен у различных первобытных племен и является настолько примитивным, что нет никакой необходимости возводить его происхождение к одному какому-либо народу. Автор, правда, только в виде постановки вопроса, пытается связать эту «расу» с фракийцами, причем единственным аргументом в пользу этого отождествления он выставляет такой малоубедительный факт, как принадлежность скелетов в могилах этого периода «долыхокефалам».

Особенно ярко проявляется теория автора о принесении всех новых элементов культуры извне в его характеристике эпохи бронзы и железа. Так, расцвет бронзовой металлургии в Трансильвании автор связывает с фракийцами, применение на войне лошади и новую форму керамики — с киммерийцами, появление железа — с приходом скифов, гончарного круга и монеты — с завоеванием кельтов. Влияние кельтов автор усматривает и в факте организации дако-гетских объединений, управляемых «царями» (стр. 43), и в большом влиянии дакийских жрецов (стр. 14). Автор, таким образом, становится на позиции ученых, считающих основой развития общества миграции культур.

Полное игнорирование автором вопроса о внутренних социальных изменениях, происходивших у населявших Трансильванию племен, привело к тому, что в книге не отражен переход племен от состояния дикости к варварству, не показано возникновение военной демократии, из которой далее развилось государство.

Из изложения Дайковичу читателю совершенно непонятно, на каком этапе развития находились племена Трансильвании в середине III в. до н. э., когда, как пишет автор, там организовалось государство с туземной династией. Создается впечатление, что это было уже настоящее государство, такого же типа, как и в эпоху Децебала во II в. н. э., «с двумя окончательно сложившимися социальными классами» (стр. 71). Можно лишь догадываться, что при Беребисте (I в. до н. э.) мы имеем дело с

Гораздо правильное предположить, что при Беребисте (I в. до н. э.) мы имеем дело с племенами, находящимися на высшей ступени варварства, на стадии разложения родового строя. Дакийское государство периода эпохи Беребисты и представляло собой союз родственных племен, который распался после смерти вождя. В *Res gestae divi Augusti*, 30, дакийские народы упоминаются во множественном числе. У Птолемея сохранились названия нескольких дакийских племен. Дион Кассий сообщает, что во время продвижения Траяна часть племен, живших на территории Дакии, была построена дружелюбно по отношению к римлянам (LXVIII, 8). На барельефах колонны Траяна даки изображены в разнообразной одежде и вооружении (карт. XXXI, XXXVII, XXXVIII, LXIV, CLI и др.)¹. Все это заставляет говорить о том, что даки — это собирательное название для множества родственных племен, которые ко времени римского завоевания находились на стадии разложения родового строя и появления классов. Об этом свидетельствует возросшая роль вождя и выделение родо-племенной знати, наличие у них укрепленных городов, изображения которых мы видим на рельефах колонн Траяна, скопление больших богатств в руках их вождя (легенда о сокровище Децебала), появление монетной чеканки.

При Децебале был вновь восстановлен союз с римскими войсками.

¹ Cichorius, Die Reliefs der Trajanssäule, Berlin, 1896—1900.

чинается уже слияние этих племен в один народ. Власть военного вождя по существу перерастает в царскую власть. Происходит имущественное расслоение внутри рода. Дион Кассий (LXVI, 9; LXVIII, 8) говорит о существовании «волосатых» и «носивших войлочные шапки» (*pileati*), что соответствует изображениям на рельефах колонны Траяна. При этом в массовых сценах *pileati* составляют меньшинство и изображаются обычно на переднем плане. Их посылают для переговоров к Траяну, они при поражении дакийского войска кончают самоубийством, выпивая яд. Все это говорит о выдающемся положении представителей родо-племенной знати.

Автор правильно ставит вопрос о том, что завоевание Дакии было вызвано необходимостью обезопасить римские владения на Нижнем Дунае от угрозы нападения сильных варварских объединений левобережья Дуная. Но страх римлян и их желание подчинить именно дакийские племена был вызван не «выдающимися качествами даков» (стр. 77), и не тем, что даки были «богато одарены с точки зрения материальной и духовной» (стр. 78), а боязнью иметь у своих границ сильное варварское государство, в которое неминуемо должно было превратиться и объединение племен, созданное Децебалом. Именно желание задержать образование крупных варварских объединений руководило римлянами. Кроме того, им были не чужды экономические и стратегические цели, как об этом говорит и автор.

Увлекаясь стремлением показать высокую степень романизации Дакии, автор не отмечает, что господство римлян было тяжелым бременем для местного населения; Дайковичу нигде не говорит, что римляне принесли с собой новый, рабовладельческий способ производства. А ведь целый ряд эпиграфических памятников свидетельствует о наличии в Дакии рабов и вольноотпущенников. Сохранились договоры о продаже и купле рабов. Автор же, описывая состав городского населения в эпоху римского господства в Дакии, нигде не говорит о рабах и рабовладельцах и допускает вредную модернизацию, считая господствующим слоем населения «буржуазию» городов и относя к ее составу «коммерсантов и индустриальную буржуазию, земельных собственников, лиц, эксплуатирующих лес, соляные залежи, рудники» и т. д. (стр. 133). Дайковичу также совсем не отмечает роли ветеранов в римской Дакии и, описывая политическую организацию новой провинции, ее границы, органы управления и т. д. (стр. 91—104), не указывает на наличие большого количества военных элементов среди должностных лиц города, что отличает Дакию от других римских провинций. Надписи дают нам богатый материал по этому вопросу.

Автор правильно восстает против утверждения о полном истреблении даков (стр. 116 сл.). Он приводит новые статистические, а также археологические и лингвистические материалы, свидетельствующие о сохранении дакийского элемента в новой провинции. Интересны его соображения по вопросу этнического состава римского войска в Дакии, в которое с середины II в. начинают проникать автохтонные элементы (стр. 111 сл.). Говоря о роли туземных элементов в римской Дакии, автор правильно отмечает, что племена свободных даков, жившие в соседних с римской провинцией областях, являлись очагом, сохранившим и поддерживавшим туземную дакийскую культуру (стр. 123). Но внутри провинции дакийские элементы сохранились главным образом в сельских поселениях. Нет оснований говорить о большой роли туземных элементов в городах, как это делает автор, и во всяком случае к характеристике населения городов надо подходить исторически. Оно не могло быть одинаково с начала II до конца III в. Туземные жители романизовались постепенно, проникая в среду романизованного населения городов, первоначально состоявшего главным образом из колонистов и ветеранов. О большом количестве колонистов, переселенных в Дакию, свидетельствует Евтропий (Eutr., 8, 6). О местных поселениях ветеранов свидетельствуют находки военных дипломов. И нет необходимости преувеличивать значение дакийского населения в городах, особенно для II в.

С другой стороны, автор не останавливается на борьбе даков, населявших главным образом сельские местности, против римского господства, на их вооруженных выступлениях совместно с соседними варварскими племенами против римлян. Дайковичу не подчеркивает того факта, что римлянам так и не удалось полностью подчинить себе

все дакийские племена, что вне границ провинции оставались «свободные даки», постоянно совершавшие нападения на римские владения.

Следуя своей концепции о полной романизации провинции, автор не заостряет вопроса о влиянии туземной культуры на общий характер культуры провинции Дакии, и в частности на живучесть местных религиозных верований, так ярко проявившихся в появлении культа дунайского всадника. Автор уделяет этому культу незаслуженно мало внимания.

В разделе, посвященном внутренней организации провинции (стр. 126—129), автор не подчеркивает, что римское государство играло роль вампира, высасывавшего сырьевые ресурсы провинции. Содержание огромного количества войск лежало тяжелым бременем на плечах местного населения. Римляне широко развернули эксплуатацию залежей драгоценных металлов и железа. Цветущая жизнь городов, развитие в них ремесла, строительство дорог — все это служило прежде всего интересам римлян и римского войска и проходило за счет туземного сельского населения.

В разделе «История Дакии после Северов» (стр. 165—188) автор говорит о расцвете экономической жизни городов, об их украшении, строительстве дорог и начале чеканки местной провинциальной монеты. Автор стремится доказать неправильность сведений Евтропия, Аврелия Виктора, Феста и Иордана о том, что Дакия была оставлена римлянами при Галлиене. Он только вскользь говорит о глубоком экономическом кризисе, который охватил всю Римскую империю в III в. н. э. (стр. 174), привел к ослаблению римского государства и сделал его неспособным сохранить старые границы. В этом игнорировании глубоких социальных и экономических причин исторических событий снова сказывается методологическая слабость и ограниченность автора.

Что касается даты оставления Дакии римлянами, то по этому вопросу существует несколько точек зрения. Дайковичиу считает, что Дакия была оставлена римлянами в первые годы правления Аврелиана, и в подтверждение этого приводит очень убедительные новые, добытые археологией, данные (стр. 173).

Книга румынского ученого отличается большим количеством приведенного в ней материала и разнообразием затронутых проблем, главной из которых является проблема происхождения гето-дакийского населения и его сохранения вплоть до средневековья. Несмотря на то, что автору в этом вопросе удалось стать на правильный путь, объяснения процесса сложения народности из множества различных племен и народов, смешивающихся и взаимно влияющих друг на друга, он не смог последовательно и правильно разрешить его. Ошибки методологического характера помешали также автору дать правильную картину социального и экономического развития населения в различные эпохи его существования.

Только преодолев эти методологические пороки и овладев методом исторического материализма, румынские археологи и историки смогут дать правильное решение проблемы происхождения румынского народа и его исторической роли. Перед румынскими учеными открылись теперь широкие возможности для плодотворной научной работы.

И. Кругликова

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА

Писать работы по истории древнего Рима в США начали сравнительно недавно, но с 30-х гг. эта тема начинает привлекать там все больше внимания. О Риме пишут не только историки, но и журналисты. Пишут общие популярные книги и специальные исследования. Одни из них претендуют на научность, другие ставят себе цель преподнести современному американцу бойкие фельетоны на темы римской истории, при-